

УДК 9 (94)

Костров А.В., доктор исторических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия)

Лахтюк С. А., магистрант, Иркутский государственный университет (Россия)

ГЕНЕЗИС ШВЕЙЦАРСКОГО МИЛИТАРИЗМА В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ

Современные гуманитарные науки, в особенности в отечественном сегменте, используют понятие «милитаризм» исключительно в политологических исследованиях и не рассматривают его как социокультурный фактор исторического развития того или иного общества. В качестве примера была выбрана Швейцария XV-XVII вв. и источники формирования милитаризма в ее социокультурной среде. На основании концепции географического детерминизма вывод о том, что генезис швейцарского милитаризма во многом зависит от природно-климатических условий. Горная местность предопределила изолированность населения и как следствие – сохранение множества традиционных форм общественной жизни и сознания, в которых изначально присутствовал милитаризм. Также в статье указывается фактор отсутствия в Швейцарии военных сословий и наличие множества войн за независимость, что привело к широкому распространению воинской культуры в массах. Особое внимание в исследовании уделено швейцарскому наемничеству и его отличительным особенностям, которые способствовали усилению процесса милитаризации швейцарского населения проживающего в горных кантонах. На примере Швейцарии можно наблюдать, что милитаризм присутствует не только в идеологических и политических процессах жизни государства, но и является фактором формирования особенностей социокультурной сферы жизни общества. И более того, оказывает двойственное влияние на формирование единой швейцарской нации даже на современном этапе.

Ключевые слова: милитаризм, Швейцария, раннее Новое время, швейцарское наемничество, германское наемничество, швейцарский милитаризм, швейцарская армия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-01-76-85

На мировой арене Швейцария, как государство, в первую очередь выделяется строгой нейтральной внешней политикой. Действительно, начиная с окончания наполеоновских войн Швейцария не участвовала ни в одном международном конфликте и не вступала ни в один из военно-политических блоков, и лишь под влиянием глобализации в 2002 г. вошла в ООН, а в 2005 г. – присоединилась к шенгенским и дублинским договорам. Казалось бы, строгий нейтралитет должен был предопределить судьбу армии страны сократив ее финансирование до минимума и реорганизовав способ комплектования на контрактную основу. Однако в Швейцарии до сих пор функционирует одна из самых строгих в мире систем всеобщей воинской повинности мужского населения.

После окончания холодной войны военную организацию большинства европейских стран захлестнула череда реформ, направленных на расформирование института всеобщей воинской повинности и переход армии на контрактную наемную основу. Такие же процессы задела Швейцарию. В стране в 1989 г. и 2013 г. проводились референдумы об реорганизации армии, суть которых сводилась к переводу армии на контрактную основу [10; 11]. Однако на всех трех

референдумах население проголосовало против, и особенно интересен референдум 2013 г., где 73% проголосовавших высказались против реформ [10]. В результате, в швейцарском обществе сложилась довольно интересная ситуация – страна, с нейтральной внешней политикой, не участвующая в международных конфликтах (тем более военных) бережно хранит всеобщую воинскую повинность и армию в целом. Причем, множество политических партий выступают за ликвидацию этой повинности, однако само швейцарское общество, как показывают референдумы и соц. опросы выступает резко против любых реформ, призванных сократить армию.

Данную ситуацию можно рассматривать как проявление милитаризма в швейцарском обществе. Однако в таком случае возникает целый ряд проблем, связанных с самим пониманием термина «милитаризм». В отечественной историографии этот термин претерпел эволюцию. Как известно, в советской историографии, использующей марксистско-ленинскую теорию, «милитаризм» являлся следствием империализма, который в свою очередь, имел генезис из капитализма [4; С. 28–42]. Современная историография рассматривает данное понятие несколько шире, вводя в научный оборот концепцию

«гражданского милитаризма», подразумевающий «трансформацию политического процесса и общественного сознания с учетом военных интересов» [7, С. 87]. К сожалению, данная концепция и само понятие милитаризм используется сугубо в политологических исследованиях и анализе международных отношений, тем самым ограничивая сам термин исключительно в рамках характеристики политического режима и общественного сознания в том или ином государстве.

Несколько иная ситуация сложилась в зарубежной историографии. На сегодняшний день выдвигаются гипотезы, что милитаризм, подразумевающий высокое влияние военных в политике, культуре и других сферах жизни человечества, является важнейшей частью процесса строительства нации и национализма (преимущественно в XIX в.), тем самым идя вразрез с теорией Э. Геллнера, который утверждал, что источниками формирования вышеуказанных явлений является развитие индустриального общества [9]. Но и в этой трактовке (что так же применительно и к отечественной историографии) существует проблема того, что термин «милитаризм» используется как характеристика политической элиты и их способа управления государством и обществом, а не как социокультурный феномен в рамках естественного развития общественного самосознания. Именно поэтому в качестве примера подобного явления была выбрана Швейцария, где политические элиты и сама власть практически никогда не носила милитаристический характер, а власть военных не проявлялась на таком уровне, чтобы выработать некую идеологическую концепцию «милитаризма».

Исходя из этого, цель данного исследования – определить источники формирования и происхождение милитаризма как социокультурного феномена на примере Швейцарии XV-XVII вв. Данные хронологические рамки были определены исходя из того, что именно в указанный период милитаризм проявлялся наиболее ярко, а множество элементов общественного самосознания швейцарцев имеют происхождение именно в эту эпоху.

Для выполнения поставленной цели необходимо обратиться не только к классическому набору методов исторического исследования, но и к концепции географического

детерминизма, т.е. к природно-климатическому фактору. Территория Швейцарии с юга и севера ограничена Альпами и горами Юра соответственно. Большая часть населения страны находится на швейцарском плато в центре страны на равнине, однако кантоны-основатели (Ури, Швиц и Унтервальден) находятся на Юге страны, в Альпах. Лишь в XIV в. территория государства, при включении Цюриха, Бадена и других кантонов распространилась преимущественно на плато. В целом, рельеф страны можно охарактеризовать как горно-равнинный, но тем не менее, 68% территории страны имеет горный ландшафт, а в указанный хронологическими рамками исследования период этот процент был еще больше.

Горная местность предопределила закрытость населенных пунктов от остального мира, по крайней мере до XII в., т.е. до крупного развития альпийской торговли. Подобная естественная изолированность значительной части населения будущей страны, в свою очередь, предполагала сохранение традиционализма во многих формах и сферах жизни швейцарцев, проживающих в горных кантонах. В этом контексте стоит подчеркнуть, что подобное явление было чрезвычайно важным для общества, поскольку именно традиционные представления о внешнем мире и жизнедеятельности в общественном самосознании позволяло им отличать себя от других народов [2 С. 254].

Одной из форм подобного традиционного уклада горной Швейцарии и являлся милитаризм. Само по себе данное понятие подразумевало под собой не сколько политическое устройство государства или определенную идеологию (что для позднего Средневековья в принципе не естественно), а скорее социокультурный феномен, включающий в себя особое отношение к воинской культуре в общественном сознании, а также высокую роль и доступность военного дела для широких масс населения. Стоит заметить, ранее милитаризм, еще со времен проживания на территории Швейцарии кельтских и германских племен (последние собственно и являются предками швейцарцев), использовался как способ выживания, в то время как в позднем Средневековье и Новом времени, милитаризм превратился в способ сохранения

традиционной культуры и устоев, что чрезвычайно важно для развития процесса самосознания.

Влияние природно-климатического фактора так же сказалось как на социально-политическом характере швейцарского государства, так и на системе знаков и символов. Политическое устройство страны, конфедерация, или союз кантонов, со времен своего создания в 1291 г. прямо отражала влияние горного ландшафта. Как правило, сами кантоны, в особенности кантоны-основатели, формировались как политические единицы в соответствии с расположением населения в горных долинах. Сам ландшафт обуславливал закрытость поселений в этих долинах, формируя среди населения принципы самостоятельности, сплоченности и закрытости от внешнего мира. Лишь под влиянием экономических (развитие альпийской торговли), технологических (возможность перехода через трудный ландшафт Альп) и внешних (угроза Габсбургов) заставила кантоны объединиться сначала в союз, а затем, постепенно расширяясь, в конфедерацию. Таким образом, само конфедеративное устройство Швейцарии так же имеет причины в природно-климатических факторах, поскольку, несмотря на множество причин для объединения, горные поселения не готовы были отказываться от основных принципов самостоятельности и самобытности, выработанных вышеуказанным фактором.

Природно-климатические условия так же формируют в значительной степени пагубное, для такой страны как Швейцария, явление конфликтности между отдельными политическими и культурными единицами (кантонами) внутри страны. Сложная политическая структура, высокая плотность расположения политических единиц, невозможность в горно-равнинной местности установить точные границы и религиозный конфликт реформации – все это формирует вышеуказанное явление. В установленный исследователем период мы можем отметить как минимум два масштабных конфликта внутри Швейцарии: Старая Цюрихская война 1440–1446 гг. и Каппельские религиозные войны 1529–1531 гг. Так же интересен тот факт, что в вышеуказанных конфликтах мы видим вполне четкое разделение на противостояние

горных кантонов-основателей, как сторонников традиционных форм строительства государства, культуры и религии, и равнинных (например, Баден, Цюрих), как сторонников модернизационных подходов. Само явление также объясняется природно-климатическим фактором, поскольку население горной местности, в значительной степени закрытое от внешнего мира, придерживается традиционных форм человеческой жизнедеятельности, нежели чем жители равнинных областей страны, готовых к принятию новых элементов культурной модернизации, в том числе и религии. Тем не менее, главным остается то, что подобные конфликты оказывали мощнейшее влияние на формирования и развитие милитаризма в общественном сознании, в виде готовности населения к вооруженной борьбе за свои общественные устои.

Швейцарский традиционализм так же отразился и на национальных символах страны. Самый наглядный пример в данной области – это «Гельвеция» (Helvetia), персонифицированный символ Швейцарии, представляющий собой образ страны и ее граждан, вне зависимости от религиозных и иных убеждений. Сам символ появился в 1672 г. благодаря спектаклю Иоганна Вайссенбаха, однако само понятие «Гельвеция», имеющий свои корни от кельтского племени времен античности, применялся относительно Швейцарии и раньше, преимущественно в латинских хрониках [10].

Следующая группа факторов выходит за рамки географического детерминизма и относятся непосредственно к условиям формирования швейцарской нации и государства. Некоторые из этих факторов можно так же охарактеризовать как фактор возникновения, способ развития и сохранения уже сформированного явления милитаризма, так и отражение этого явления на ряде сфер жизнедеятельности швейцарского общества.

В первую очередь необходимо отметить борьбу Швейцарии за независимость, которая проходила с самого начала основания союза трех кантонов в 1291 г. вплоть до 1648 г., т. е. юридического признания Швейцарского суверенитета после тридцатилетней войны. Сам факт возникновения союза был спровоцирован желанием Габсбургов взять под контроль все разрастающуюся альпийскую

торговую коммуникацию. За весь указанный период Швейцария принимала участие прямо (как актер международных отношений) или косвенно (отправляя наемников-добровольцев) во всех крупных европейских конфликтах: бургундских войнах, итальянских, религиозных войнах в Германии, в тридцатилетней войне и т. д. В конечном итоге, Швейцария, почти на протяжении 350 лет находилась в состоянии крайне напряженных отношений либо открытой войны с соседними государствами, а ее граждане участвовали в боевых действиях в качестве комбатантов находясь как в составе швейцарского народного ополчения, так и в составе наемников на службе другого государства.

В отдельную группу так же стоит выделить и социальные условия, которые ярко выделяют Швейцарию на фоне остальных европейских государств. Речь идет о монополизации военной деятельности в государстве одним сословием, в данном случае рыцарством. В большинстве стран Европы рыцари представляли собой военное сословие, имевшее полноценное право быть комбатантами, тем самым выполняя основные военные функции в государстве. В Швейцарии же, по ряду экономических и социальных причин рыцарство как подобного рода сословная прослойка в обществе не сложилась [2, С. 80]. Это имело весьма серьезные последствия для развития милитаризма в социальной среде, который вылился во всеобщий и массовый характер военной деятельности в стране, в сравнении с другими странами Европы (особенно Францией или Священной римской империей) где военное дело, ввиду его монополизации рыцарством, носило некоторый индивидуальный характер.

Подобный характер в первую очередь выразался в децентрализации военной структуры, в которой каждый отдельный рыцарь представлял собой тактическую единицу, а группа рыцарей во главе с их сюзереном (крупным феодалом) – организационную единицу. К началу строительства Швейцарской конфедерации подобная структура, уже почти пол века (со времен Столетней войны) претерпевала мощнейший кризис в то время как швейцарская армия строилась по совершенно иным принципам, берущим свои истоки из социокультурной специфики региона,

выражавшейся в социуме с мощными милитаристическими наклонностями. Армия Союза с XV в. организовывалась в виде народного ополчения, с упорядоченной всеобщей воинской повинностью, которое включало в себя призыв мужчин возрастом от 18 до 30 лет и старше [2, С. 83–85]. Стоит заметить, что и другие страны Европы, примерно в это же время в том или ином виде пытались создать, аналогичную систему всеобщей воинской повинности (Франция, Флоренция, Священная римская империя), однако все эти проекты были провальными, в том числе из-за неприятия социума подобной структуры. В Швейцарии же всеобщая воинская повинность была и остается неотъемлемой частью жизни граждан и принималась вполне спокойно, о чем свидетельствует ее высокий численный состав, весьма нехарактерный для Средневековья, как при сборах, так и непосредственно на поле боя [8, С. 250–253].

Однако, стоит заметить, что подобного рода организация армии не было чем-то оригинальным для средневековой Европы явлением. Самым ярким примером служит графство Фландрия, с ее милицией и знаменитой победой над французскими рыцарями при Куртре (1309 г.). В данном случае мы можем позволить себе провести некую аналогию явления милитаризма в социальной среде, которая присутствовала в Швейцарии. Армия графства представляла собой объединенные силы милиций крупных городов, коих в регионе было множество. Вместе с тем, милиция каждого города, в большинстве своем организовывалась местными производственными цехами и гильдиями, структура и социокультурная специфика которых напоминала милитаристски организованное закрытое общество, что, как и в Швейцарии, проецировалось на структуру армии графства.

В следующую группу факторов развития милитаризма в Швейцарии так же стоит добавить общеевропейскую тенденцию зарождения капитализма в раннее Новое время, совмещенное с природно-климатическими условиями страны. К последнему можно отнести специфику ведения сельского хозяйства в Швейцарии, основную проблему которого можно обозначить как «земельный голод», т. е. недостаток земли как источника дохода для основного его потребителя – крестьян. В

результате чего в XIII-XIV в. в стране начался мощный процесс урбанизации и поиск населения новых возможностей для выживания в условиях безземелья. При анализе этого процесса необходимо связывать его с зарождавшимся европейским капитализмом, который давал новые возможности для развития милитаризма среди населения. В данном случае речь идет о распространении наемничества и общей коммерциализации военного дела в Европе как о масштабном феномене раннего Нового времени. Наемничество спасало страну от возможной социальной напряженности и позволяло значительной доле мужского населения быть задействованными в наемном труде военного характера. В свою очередь, зарождавшийся капитализм (при любой трактовке, будь то новый способ производства, будь то складывание мировой торговли), если точнее, повышение роли денег в экономической деятельности европейцев, создал наиболее благоприятные условия для развития наемничества, в том числе и в Швейцарии.

Наемничество для европейского региона сыграло важнейшую роль как в рамках конструирования современного типа государства (концепция «военной революции»), так и в рамках перехода от феодализма к капитализму (концепция К. Маркса). Вместе с тем, для Швейцарии, наемничество играло ключевую роль не только в развитии и поддержании милитаризма в социальной среде, но и практически во всех сферах развития государства (экономической, культурной и внешнеполитической).

Развивающиеся товарно-денежные отношения в Европе и множество крупных побед швейцарской армии в войнах за независимость создали огромный спрос на найм швейцарской пехоты в других странах [6, С. 27]. Если в Священной Римской Империи император Максимилиан I быстрыми темпами создал аналог швейцарской пехоты – ландскнехтов, то множество городов-государств Северной Италии и Франция свою пехоту во время итальянских войн полностью комплектовали из швейцарских наемников. По мнению многих историков, в период расцвета швейцарского наемничества, количество наемных солдат союза служащих за рубежом достигало от 3 до 5 % от общего числа населения, причем количество граждан,

уходивших в наемники было больше в горных кантонах [2, С. 114]. Отчасти это объясняется вышеуказанными экономическими причинами, но вместе с тем нельзя исключать и влияние милитаризма среди населения именно горных районов, поскольку там традиционные ценности сумели сохраниться наиболее ярко. Об этом так же свидетельствуют источники. Так, например, в «Описании конфедерации» Альбрехта фон Бонштеттена указывается, что жители горных районов «представляют истинными сынами бога Марса» [8, С. 265], а автор «Утопии» Томас Мор, вкладывая в понятие «заполеты» швейцарских наемников описывал их как «народ, мало отличающегося от гельветов» [5, С. 19–20]. В целом, стоит отметить, что большая часть современников, создавших письменные источники по Швейцарии, отмечают воинственность швейцарцев, исходящую из их традиционных представлений о войне и военном деле [2, С. 255]. Бонштетт в своем труде акцентирует внимание на массовость швейцарской армии, состоявшей преимущественно из обычных крестьян, причем уделяя особое внимание горным кантонам как наиболее выразительными в данном примере [8, С. 250, 263].

Однако, несмотря на общеевропейскую тенденцию, швейцарское наемничество имело целый ряд специфических черт, которые своими корнями уходят в феномен милитаризма швейцарского общественного самосознания.

В качестве примера для сравнения возьмем наиболее известный и распространенный вид наемников в Западной Европе – немецких ландскнехтов. Разница между вышеуказанными категориями бросается в глаза в двух процессах, затронувших практически все категории наемников того времени – корпоративизации и профессионализации. Из ландскнехтов эти процессы сформировали квазисословие, частично сформировавшееся юридически, и оказывающее влияние на экономику, политику и культуру Священной Римской Империи [1, С. 143]. Основы формирования подобной группы находились не только в социальном устройстве государства, но и в восприятии войны в общественном сознании в классических феодальных государствах того времени. По мере того как

наемничество становилось основой военной организации европейских стран, монополия рыцарей и феодалов в военном деле и прямом насилии постепенно деформировалась и переходила к наемникам. Это формировало в ментальности наемников некую идею «рыцарственности» в рамках корпорации, крайне привлекательную как для простолюдинов, так и обедневших рыцарей [1, С. 146–148]. В свою очередь, эта идея подразумевала крайнюю неприязнь к любой мирной деятельности, как и к мирному населению в принципе, а в совмещении с социальным происхождением наемников, состоящим из нищих крестьян, рыцарей и горожан, еще более усиливало подобное отношение к мирной жизни. В совокупности с дальнейшей профессионализацией военного дела, это формировало среди наемников чувство собственной значимости и исключительности, создавало желание выделиться, особенно в том обществе, из которого они и происходили. В свою очередь это порождало чувство полной вседозволенности по отношению к мирному населению, что вылилось в крайнюю степень насилия наемников по отношению к нему. Особенную роль в данном случае так же сыграли Крестьянская война в Германии и религиозные войны, когда наемники начали сражаться с теми слоями населения из которых они и происходили, а зачастую и с другими ландскнехтами, что значительно сузило рамки корпоративизма с вида наемников до отдельных групп [1, С. 169].

В результате немецкое общество получило мощное, массовое квазисословие ландскнехтов, которое в значительной мере к концу XVI в. было оторвано от социума, занимавшегося мирной деятельностью. Разрыв между ними был настолько серьезен, что это крайне негативно отразилось на общественном восприятии профессиональных военных и военного дела в принципе, как среди простого населения, так и гуманистов, яростно критиковавшего ландскнехтов. В результате, массовое вольное наемничество не совсем удачно вписывалось в общественные рамки самосознания, установленные в немецком социуме, что привело к мощному кризису самого вышеуказанного явления к концу XVI в.

Совершенно иная ситуация сложилась в Швейцарии. Было бы неверным утверждать,

что швейцарских наемников так же не затронули процессы корпоративизации, коммерциализации и профессионализации военного дела. Однако эти процессы имели совершенно другие, внешние основы, которые заключались в жесткой конкуренции с другими видами наемников в Европе (преимущественно, при вражде с ландскнехтами). Распространение наемничества в горной Швейцарии не породило среди населения кантонов-основателей какого-либо серьезного социального протеста. Еще более интересно то, что между наемниками и социальными слоями из которых они происходили не существовало разрыва, а даже скорее наоборот, мирная деятельность вполне гармонично совмещалась с военным делом, тем самым, не выделяя своих наемников в квазисословие, как крайнюю форму указанных выше процессов. Об этом, например, свидетельствует тот факт, что швейцарцы практически не совершали насильственных действий по отношению к мирному населению [1, С. 179], или каким-либо образом выходили за рамки воинской дисциплиной, при этом совмещая крайнюю жестокость на поле боя, привычку не брать пленных и получать за них выкуп [2, С. 100]. Основы подобных фактов кроются в самом понимании жителями горных районов Швейцарии военного дела, войны в целом, и наемничества в частности. Перед нами представляется весьма сложная и противоречивая картина: с одной стороны, швейцарцев, как и немцев, податься в наемники толкает крайняя нужда и нищета, т. е. наемничество используется населением как отдельный вид профессии, способный повысить уровень их материального благосостояния, а само швейцарское наемничество претерпевает практически те же процессы, что и другие категории наемников. С другой стороны, сам подобный феномен не считается в общественном сознании швейцарцев чем-то необычным или сверхъестественным. Скорее наоборот, наемничество очень гармонично вписывалось в милитаристический уклад сознания жителей горных кантонов. Наемники не воспринимались как обособленный от крестьян или горожан отдельный слой, наделенный более высокими политическими и экономическими правами, несмотря на то что они имели собственное нарицательное название «Reisläufer» («рисовый бегун»), относящееся скорее к военной терминологии.

И уж тем более наемники, даже в мирное время, не воспринимались как монополисты в военном деле и насилии относительно всего швейцарского социума. Само наемничество воспринималось как вполне обыденное и естественное для швейцарцев явление.

Объяснение подобного отношения населения к военному делу так же в значительной степени кроется в заложенном институте милитаризма в швейцарском самосознании, имеющий свои объективные истоки из среды обитания и значительно усиленный войнами за независимость, что в свою очередь создало наиболее благоприятные социальные и гармоничные в общественном сознании условия для формирования наемничества и его использования для материального обогащения. К тому же, отсутствие социального конфликта на фоне роста числа наемников имеет свою основу в отсутствии рыцарства как монополиста в военной деятельности. Швейцарцы в принципе никогда и не знали подобного явления, его перехода от одного социального слоя к другому не произошло, а милитаризм как общественная парадигма не предоставлял условий для формирования подобной монополии среди наемников, которые не разрывали своих связей с теми социальными слоями из которых они происходили.

Так же, для примера отличительных особенностей швейцарского наемничества, имеющих прямые истоки из милитаристического сознания общества, можно взять культурную составляющую. При формировании квазисословия ландскнехтов одновременно создавалась и некая культурная идентичность наемников, выражавшаяся в их броском внешнем виде (яркие камзолы, борода и т.д.), вызывающем поведении и военном фольклоре (песни, легенды). Так же, вокруг наиболее известных командиров ландскнехтов создавался определенный культ подражания и почитания (например, Г. фон Фрундсберг, Мерк Зеттих фон Эмс) [1, С. 53, 107], причем подобное явление, как правило, не выходило за рамки закрытой корпорации наемников. Это вполне естественно для формирующейся узкой прослойки населения, поскольку для формирования собственного самосознания и отличительных особенностей необходимы герои, которые будут создавать

определенную модель поведения.

Если же в этом ключе мы проанализируем швейцарское наемничество, то здесь вырисовывается совершенно иная и более сложная картина. Поведение швейцарцев редко выходило за рамки воинской дисциплины, а броский внешний вид формировался скорее, как некий символ отличия от других категорий наемников. К тому же, швейцарское наемничество (как и общество в целом) не было склонно создавать культ отдельных, популярных личностей. Действительно, источники очень редко нам сообщают о каких-либо известных швейцарских полководцах или наемниках. Тем не менее, в качестве примера можно взять легенду о Арнольде фон Винкельдире, швейцарском солдате, который в битве при Земпахе бросился на пики габсбургских рыцарей пожертвовав собой, но позволив своим товарищам разрушить строй противника [10, С. 528]. Однако, в действительности, Арнольд являлся известным в узких кругах капитаном швейцарских наемников, погибшим в сражении при Бикокке, совершивший тоже самое действие, но только против немецких ландскнехтов [3, С. 49]. Однако образ этой личности вышел за рамки корпорации наемников и превратился в легенду, включенную в базовые представления национального самосознания швейцарцев. На примере этого факта мы видим каким образом общественное сознание, включающее в себя особое отношение к воинским подвигам, культуре и деятельности (что собственно и является милитаризмом в социокультурной среде) превращает типичное проявление тейпового коллективизма во всенародное достояние, в данном случае в форму легенд и мифов.

Было бы неверным утверждать, что милитаризм в полной мере является основой для формирования национальной идентичности швейцарцев, как на современном этапе, так и в особенности в период Раннего нового времени. Вопрос о наемничестве как формы проявления милитаризма в рамках религиозного и политического дискурса в Швейцарии был поставлен еще Ульрихом Цвингли в начале XVI в. [12; С. 4] Известный представитель религиозной реформации в Швейцарии утверждал, что военное наемничество и получение от него дивидендов в среде аристократов крайне

неприемлемо для единого и централизованного государства, коим должна была стать Швейцария, отвергнув имеющуюся структуру союза кантонов [12; С. 4–6]. Идеи Цвингли в скором времени нашли поддержку среди сторонников модернизационных подходов к строительству государства и общества – швейцарских протестантов и нашли противоборство со стороны католиков. В этой ситуации так же наблюдается влияние географического фактора, поскольку до сих пор большая часть протестантов проживает в равнинных урбанизированных кантонах (Во, Женева, Цюрих, Берн), в то время как католицизм распространен преимущественно в горных районах Швейцарии (Ури, Швиц, Люцерн, Унтервальден, Нидвальден). То есть, как указывалось ранее, милитаризм, как и множество его проявлений (наемничество, высокая роль военной культуры) более относится к жителям горной части Швейцарского Союза. В результате, милитаризм как социокультурный феномен создал условия естественного разделения швейцарского общества на жителей равнинной местности, как представителей наиболее демилитаризованной части общества и горной, с преобладанием элементов милитаризма в самосознании, тем самым препятствуя становлению единой нации и государства федерального типа, вплоть до XIX в. Даже в современности это разделение проявляется уже в другом феномене сформировавшемся в середине XIX в. – рёштиграбен – социокультурном и языковом разделении между германоязычной Швейцарией и франкоязычной, где последняя выполняет роль примера демилитаризованного общества. Так, например, согласно референдуму 2013 г. франкоязычные кантоны Юра и Женева были единственными, где больше 40% проголосовавших высказались за отмену всеобщей воинской повинности, тогда как средний процент по кантонам (преимущественно горным) едва достигал 25% [10].

Таким образом, милитаризм может выражаться как социокультурный феномен, имеющий свой генезис, факторы развития, проявления в той или иной сфере жизнедеятельности общества и, что более важно, оказывающий влияние на историческое развитие национального самосознания. На примере швейцарцев можно наблюдать, что процесс строительства их нации и определения собственной идентичности неотъемлемо связан с феноменом милитаризма в социокультурной среде. К истокам и генезису подобного явления можно отнести как естественный фактор влияния среды обитания, который, в случае со Швейцарией, позволил сохранить ее населению множество традиционных ценностей (включая милитаризм), так и ряд других причин, связанных с войнами за независимость и особым социально-экономическим устройством. Вместе с тем, милитаризм прямо отразился, а в дальнейшем сохранялся и развивался, во многих сферах жизни: в наемничестве, армии, культуре. Швейцарский милитаризм создавал в общественном сознании свое особое понимание военного дела, войны и прямого насилия в целом, выводя эти явления за рамки монополии отдельного слоя населения, что весьма нехарактерно для большинства стран Европы. В то же время милитаризм оказывает весьма неоднозначное влияние на процесс нациестроительства, формируя естественное разделение швейцарской нации на демилитаризованную и милитаризованную ее часть согласно географическому фактору, тем самым усугубляя социальную конфронтацию.

На этом примере мы наблюдаем, что милитаризм выходит за рамки общепринятого в науке понимания этого термина. Милитаризм является не просто экономической, политической или идеологической моделью государства, а полноценным социокультурным феноменом.

Список литературы

1. Александров С. Е. Германское наемничество в период позднего средневековья : дис. канд. ист. наук. М., 2001. 227 с.
2. Давыдов А. Г. и др. Воинские традиции швейцарского средневековья. Н. Новгород : «Поволжье», 2013. 312 с.
3. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 3. Средневековье. СПб. : Наука, Ювента. 1999. 448 с.
4. Либкнехт К. Милитаризм и антимилитаризм. Ч. 1. Милитаризм. М. : Гос. изд-во полит.

литературы. 1960. 42 с.

5. Мор Т. Утопия. [Электронный ресурс]. СПб. : «Academia», 1935. 25 с. URL : https://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html (дата обращения: 12.04.2019).

6. Райнхард Ф. История Швейцарии. М. : «Весь мир», 2013. 91 с.

7. Цыбаков Д. Л. Гражданский милитаризм и его проявления в современном политическом процессе // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. №1. С. 86-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-militarizm-i-ego-proyavleniya-v-sovremennom-politicheskom-protssesse> (дата обращения: 11.04.2019).

8. Büchi A. Quellen zur Schweizer Geschichte. Albrecht von Bonstetten. Briefe und ausgewählte Schriften. [Elektronische Ressource]. Basel. 1893. S. 217-267. Erhältlich bei : https://archive.org/details/bub_gb_CNguAAAAYAAJ/page/n5 (behandlungsdatum: 12.04.2019).

9. Conversi D. 2007 Homogenisation, nationalism and war: Should we still read Ernest Gellner? Nations and Nationalism. 2007. № 3. Pp. 371-394. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2007.00292.x

10. Der Bundesrat // Das Portal der Schweizer Regierung. Volksabstimmung vom 22.09.2013 [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bk.admin.ch/ch/d/pore/va/20130922/index.html> (behandlungsdatum: 12.04.2019).

11. Der Bundesrat // Das Portal der Schweizer Regierung. Volksabstimmung vom 26.11.1989 [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.bk.admin.ch/ch/d/pore/va/19891126/index.html> (behandlungsdatum: 15.12.19)

12. Gäbler Ulrich. Huldrych Zwingli: His Life and Work. Philadelphia : Fortress Press. 1986. Pp. 1-20

13. Tschudi A. Chronicon Helveticum. [Elektronische Ressource]. Basel. 1734. S. 528. Erhältlich bei: https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10720716_00552.html (behandlungsdatum: 12.04.2019).

GENESIS OF SWISS MILITARISM DURING THE REFORMATION

This article attempts to consider the origin of militarism as a sociocultural phenomenon. It is noted that modern humanities, especially in the domestic segment, use the concept of “militarism” exclusively in political science studies and do not consider it as a factor in the historical development of a particular society. As an example, Switzerland was chosen XV-XVII centuries and the sources of the formation of militarism in its sociocultural environment.

Using the concept of geographical determinism, it is concluded that the genesis of Swiss militarism largely depends on the climatic conditions. The mountainous terrain predetermined the isolation of the population and, as a result, the preservation of many traditional forms of social life and consciousness in which militarism was originally present. The article also indicates the factor of the absence of knights in Switzerland and many wars of independence, which led to the wide spread of military culture among the masses. Particular attention is paid to the Swiss mercenaries and its distinctive features, which contribute to strengthening the process of militarization of the Swiss society.

In conclusion, the author notes that militarism as a sociocultural phenomenon on the example of Switzerland plays a huge role in the process of constructing and transforming public self-consciousness and, as a result, in the process of building the Swiss nation as a whole.

Keywords: militarism, militarization, Switzerland, early modern times, Swiss mercenaries, German mercenaries, Swiss militarism, Swiss militia, army.

References

1. Aleksandrov S. E. Germanskoe naemnichestvo v period pozdnego srednevekov'ya [German mercenary in the late Middle Ages]. Cand. hist. sci. diss. Moscow., Publ. 2001. 227 p.

2. Davydov A. G. and other. Voinskie traditsii shveitsarskogo srednevekov'ya [Military traditions of the Swiss Middle Ages]. Nizhny Novgorod. : «Povolzh'e», Publ. 2013. 312 p.

3. Del'bryuk G. Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoi istorii [History of military art in the framework of political history]. St. Petersburg: Nauka, Juventus, Publ. 1999. Vol. 3. 448 p.

4. Libkneht K. Militarizm i antimilitarizm [Militarism and anti-militarism]. Moscow., Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, Publ. 1960. Vol. 1. 42 p.

5. Mor T. Utopiya. [Utopia]. St. Petersburg: «Academia», Publ. 1935. 25 p. Available at: https://royallib.com/book/tomas_mor/utopiya.html (accessed: April 11. 2019).

6. Rainkhard F. Istoriya Shveitsarii [Swiss history]. Moscow. : Izdatel'stvo «Ves'mir» Publ.

2013. 91 p.

7. Tsybakov D. L. Grazhdanskii militarizm i ego proyavleniya v sovremennom politicheskom protsesse [Civil militarism and its manifestations in the modern political process]. Proceedings of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. Publ. 86-91. 2009. Pp. №1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-militarizm-i-ego-proyavleniya-v-sovremennom-politicheskom-protsesse> (accessed: April 11. 2019).

8. Büchi A. Quellen zur Schweizer Geschichte. Albrecht von Bonstetten. Briefe und ausgewählte Schriften. [Sources of Swiss history. Albrecht von Bonstetten. Letters and selected writings]. Basel. Publ. 1893. Pp. 217-267. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_CNguAAAAYAAJ/page/n5 (accessed: April 11. 2019).

9. Conversi D. 2007 Homogenisation, nationalism and war: Should we still read Ernest Gellner? Nations and Nationalism. 2007. № 3. Pp. 371-394. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2007.00292.x

10. Der Bundesrat. Das Portal der Schweizer Regierung. Volksabstimmung vom 22.09.2013 [The portal of the Swiss government. Referendum of 22.09.2013]. Available at: <https://www.bk.admin.ch/ch/d/pore/va/20130922/index.html> (accessed: April 12. 2019).

11. Der Bundesrat. Das Portal der Schweizer Regierung. Volksabstimmung vom 26.11.1989 [The portal of the Swiss government. Referendum of 26.11.1989]. Available at: <https://www.bk.admin.ch/ch/d/pore/va/19891126/index.html> (accessed: December 15 2019).

12. Gäbler Ulrich. Huldrych Zwingli: His Life and Work. Philadelphia : Fortress Press. 1986. Pp. 1-20

13. Tschudi A. Chronicon Helveticum. [Swiss Chronicle]. Basel. Publ. 1734. P. 528. Available at: https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10720716_00552.html (accessed: April 11. 2019).

Об авторах

Костров Александр Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (Россия), E-mail: a_kostrov@mail.ru

Лактюк Сергей Александрович – магистрант кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (Россия), E-mail: lahtiuk.sergey@gmail.com

Kostrov Alexander Valerievich - doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University (Russia), E-mail: a_kostrov@mail.com

Lakhtyuk Sergey Alexandrovich – master student of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University (Russia), E-mail: lahtiuk.serey@gmail.com